

«Я человек сложной судьбы»

К юбилею художника Ирины Леденёвой

Ирина Анатольевна, расскажите немного о себе, какое выражение в большей степени вас характеризует: «Мне часто везло» или «Я — человек сложной судьбы»?

Скорее, «Я человек сложной судьбы» и девиз мой: «Учиться и работать, а остальное приложится!» Так завещал мне мой отец. Его в пятнадцать лет во время Великой Отечественной войны угнали в Германию. Чтобы вернуться домой, он прошел пешком всю Европу. Оказавшись дома, он своими руками построил огромный двухэтажный дом, такой, какие он видел во время своего вынужденного путешествия. Отец жил так, как будто каждый день — это последний день. У нас была богатая домашняя библиотека, мы много читали. Последние годы отец работал директором рекламного бюро. Он горел на работе — в этом качестве я пошла в него, а творческая жилка, скорее, от мамы. Родители оба рисовали, папа в детстве учил меня изображать голову, объясняя пропорции. Пока живы были родители, наше с сестрой детство было очень интересным. Со всей улицы к нам собирались дети кататься с горки, которую зимой соорудил папа, качаться на качелях, участвовать в домашних спектаклях. Мы делали кукол, шили им наряды, изготавливали декорации, а представления давали на нашей большой открытой веранде.

Родители умерли друг за другом в один год, когда мне было семнадцать, а сестре пятнадцать лет. Я осталась за старшую. Выжидали как могли, иногда соседка приносила нам супчик. Самое страшное — холод зимой. Протопить такой огромный дом нам было не под силу. Чтобы не промерзли батареи, нам приходилось обматывать их газетами и поджигать. Я поступила в строительный техникум, и мы жили на мою стипендию в тридцать рублей. Жутко вспомнить: хлеб, подсолнечное масло и лук — это была наша традиционная еда, изредка удавалось купить пакет молока. Сестра выросла из старой одежды, так соседи с нашей улицы скидывались, чтобы купить ей пальто. У нас была собака Пальма, мы сами голодные, и она голодная, хотя ее иногда подкармливала сердобольная соседка. Однажды утром выхожу, а собака свернулась в клубочек — замерзшая... умерла. До сих пор не могу вспоминать тот день без содрогания.

Когда мы жили одни, в наш дом не единожды врывались уголовники. Срывают замок, заходят. Мы с сестрой, прижавшись друг к другу, сидим, боясь пошевелиться. Они проходят по комнате. Ну тут, говорят, уже все забрали, брать нечего. Увидели на стене гитару, сорвали ее и ушли. Хоть нас, слава Богу, не тронули. В темное время суток нападали и на меня, и на сестру, отбирали последнее.

В последний год моего обучения в техникуме приехала из Омска бабушка. Умирая, отец взял слово со своей матери, что она поможет нам. Год она жила с нами,

как потом выяснилось, она ждала, когда мне исполнится восемнадцать лет и я закончу учебу.

На время бабушка оставила нас, уехав в Омск решать какие-то дела. Оказывается, она решила продать наш дом, что она и осуществила. В один «прекрасный» день в дом появился новый хозяин и выгнал нас сестрой на ночь глядя из родительского дома, мол, убирайтесь. Мы с сестрой просим: «Можно хотя бы переночевать? За нами бабушка должна была сегодня приехать». А он говорит: «Наверное, бабка вас бросила и больше не приедет, а вы мне тут тоже не нужны». Правда, пустил нас переночевать на кровати, на которой недавно умерла мама. Но даже тряпки не бросил на голую панцирную сетку. Обнялись с сестрой, так ночь и скоротали. Утром он нас выгнал за ворота. Мы стояли и не знали, куда идти, просто ждали бабушку, и она приехала. Забрала с собой сестру как несовершеннолетнюю, оставив меня без копейки. Пообещала похлопотать, чтобы через райисполком меня прописали хоть на какую-то жилплощадь. Власти отказали, а бабушка позвонила мне и сказала: «Выживай, как хочешь!»

Я уехала в Новоалтайск к тетке, у которой была маленькая комнатка. На девяти квадратных метрах мы с ней жили, спали по очереди. Еще учась в строительном техникуме, я устроилась на завод арматурщицей. В бригаде я одна девушка среди тертых жизнью мужиков. Было жуткое чувство тотального одиночества и полной своей ненужности никому в этом мире. Так начиналась моя самостоятельная жизнь.

Как проявлялись ваши художественные наклонности?

Рисовать я любила с детства, разрисовывала стены угольками и обломками красного кирпича. Заметив это, родители купили мне альбомы, художественные принадлежности и подписку на журнал «Школа изобразительного искусства». В школьную бытность я всегда была в редколлегиях стенгазет. Помню, как я устраивалась на должность художника комбината полуфабрикатов. Вот, говорю, образования у меня специального нет, а начальник Чабан Александр Савельевич дает задание: «Если Ленина нарисуешь, приходи, посмотрим». Я справилась, и меня взяли. Писала огромные семнадцатиметровые лозунги, рисовала плакаты, оформляла все цеха в комбинате «Алтайские зори», а цехов было много: кондитерский, рыбный, мясной, ресторан.

Однажды меня послали в одну художественную мастерскую учиться технике маркетри. Закрепили за мной наставника — художника Леденёва Дмитрия, который показывал мне приемы этого мастерства. Я вырезала из дерева тонкие пластинки, он помогал мне прессовать, ошкуривать, покрывать лаком. Вот так за работой я и познакомилась со своим будущим мужем. Прожили мы с ним тридцать семь лет до самой его смерти.

Ирина Леденёва. **Автопортрет вечерний.** 1996-1998.

Холст, масло. 92х62

Ирина Леденёва

(08.09.1952) родилась в Барнауле. Живописец, педагог. В 1972 окончила Барнаульский строительный техникум, в 1979 — Новоалтайское художественное училище, в 1985 — художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института имени М. Горького. Работала в методическом кабинете управления культуры Алтайского крайисполкома. Преподавала в Новоалтайском государственном художественном училище, в Алтайском государственном педагогическом университете, в Алтайском государственном техническом университете имени И.И. Ползунова. Пишет в жанре портрета, натюрморта, пейзажа. Участница краевых выставок с 1996 года. Член Союза художников с 1998 года. Более 100 международных, всероссийских, региональных, краевых художественных выставок, из них более 35 — персональных. Картины находятся в российских и зарубежных галереях и частных коллекциях. Живет и работает в Барнауле.

Муж учился в Новоалтайском художественном училище на оформительском отделении, а я поступила только через год. Дмитрий не хотел, чтобы я там училась, мол, нечего меня позорить. Чтобы убедить его в обратном, я выкладывалась полностью, больше всех делала набросков, пахала ночами. Спала я всего три-четыре часа, выходных у меня не было. Счастье, что нас с мужем не уволили с комбината полуфабрикатов. Мы договорились, что будем работать вечерами и по субботам-воскресеньям. Но теперь было легче, ведь мы были вдвоем. Оформляли какие-то ярмарки, украшали машины на праздничные парады. Часто бывало так, что мы работаем с ним до трех ночи, а потом с Потока идем пешком до летного училища, там был наш маленький дом. Бабушка выделила долю, и мы смогли приобрести одну комнату на улице Горького.

На первом курсе НХУ композицию вел Александр Петрович Ботев. Очень интересный человек. Он эмоционально рассказывал о своих любимых художниках — Викторе Попкове и Андрее Мильникове. Со второго курса эту дисциплину преподавали Степан Кузьмич Двойнос и Мария Михайловна Кареева. Отсутствие художественной школы я преодолела трудом, помня совет отца — «Учись и работай, остальное приложится!»

Уже со второго курса я стала одной из самых успешных студенток, мое фото было всегда на Доске почета. Как лучшую ученицу меня послали на космопольскую конференцию, на память об этом осталась совместная фотография с космонавтом Германом Титовым. Жизнь была насыщенная! Я успевала участвовать и в КВНах, и в других мероприятиях, несмотря на усталость и вечный недосып. Еще успевала шить, обшивала и себя,

и мужа: от брюк и рубашек до зимних пальто и даже меховых шапок. Училище окончила с отличием.

После училища я поехала в Ленинград поступать в академию художеств, но мне уже было двадцать семь лет. А ведь даже у нас в училище стараются набирать восемнадцатилетних, а замужних взрослых женщин стараются не брать. Так получилось и там. Несмотря на то, что ко мне подходили на экзамене и ахали-охлали, в академию не взяли. Я могла поступить и во Владивосток, и в Красноярск, но выбрала Омский государственный педагогический институт, так как там могла учиться и одновременно работать. Сдала «спецы» на «отлично», там даже не поверили, сказали: «Это не ваши работы. Это работы профессионала!» Но я ответила: «Хорошо, ставьте тогда четверку, а на пленэре посмотрим!» Так и вышло. Когда я показывала свои работы в технике ограниченной палитры, педагог удивлялся. Множество моих работ осталось в фондах института.

Ирина Анатольевна, вы были моим наставником в НХУ. Знаете ли вы о дальнейшем пути ваших учеников?

Почти все стали художниками. Можно, конечно, привести в пример Евгения Кравцова. Сейчас он очень известный художник, заведующий кафедрой живописи и рисунка Московского академического художественного училища. Его работы находятся во многих музеях и частных собраниях в России и за рубежом. Евгений Кравцов участвовал в воссоздании Царских врат в Храме Христа Спасителя. Лариса Шокорова (Мануйлова) — доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор, заведующая кафедрой дизайнера и архитектуры

Ирина Леденёва. *На Фабричной, на закате...* 2007.
Холст, масло. 89x106

в Алтайском государственном институте культуры. Павел Гавриченко окончил «Глазуновку», член Союза художников России, живет в Подмоскowie. Маргарита Колова занимается реставрацией в Германии, Игорь Макаренко из Рубцовска — действующий художник, педагог, пишет стихи, играет на гитаре. Алексей Дорохов, директор камнерезного завода в Колывани, тоже мой бывший студент, член старинной династии художников. Кстати, в Алтайской краевой библиотеке прекрасные каменные панно — это его работы. Осипова (Боженко) Оксана вместе со своим супругом Евгением — ведущие художники города Владивостока. Елена Филатова (Артюшина) совместно с супругом и дочерью расписывают храмы. Еще одна семейная пара, Гончаренко Валерий и Оксана, в девичестве Тарасова, живут и работают в Подмоскowie, и многие-многие другие.

«Автопортрет вечерний» написан в 1996–1998 годах. Вы прекрасно выглядите и нисколько не изменились с тех пор. Трудно ли писать автопортреты?

— Долго его писала, переписывала. Когда я пишу портреты, то изучаю натуру, общаюсь с человеком. А тут приходилось писать через зеркало. Аксессуары: перья, драпировки — писались с натуры. «Вечерний» — это не от времени суток, а от ощущения праздника. В год моего семидесятилетия, в конце 2022 года, у меня прошла юбилейная персональная выставка в ГМИЛИКА. Возраст я не скрываю, все равно все знают (*смеется*). 115 работ были выставлены, и это еще не все, многое

не вошло. Работники музея старались как могли, даже поставили специальные ширмы для картин. Но, к сожалению, сотни моих работ нигде не выставлялись, их еще не видел зритель.

У вас какое-то нереальное количество выставок, больше чем месяцев в году. Как вы все успеваете?

Работоспособность сформировалась с годами. Сейчас стало труднее, конечно. Перед каждой выставкой у меня аврал, порой полностью ночь не сплю. Могу четыре часа работать, а потом только пятнадцать-двадцать минут отдыхать. Недавно я с удивлением узнала, что именно такого режима придерживался Леонардо да Винчи.

В вашем творчестве есть пейзажи, портреты, натюрморты, жанровые картины и очень много прекрасных цветов. У вас есть любимый жанр, сюжет, объект для изображения?

Цветы — моя любовь с детства. Папа сам прививал разные сорта к дичкам и получались шикарные розы. В нашем саду была целая аллея розовых кустов, а мама занималась клумбами. Все из детства идет. Будучи детьми, мы с сестрой часто выезжали с родителями на природу. И однажды отец обратил мое внимание на закат и сказал: «Посмотри, как красиво! Какой потрясающий закат!» А смотрю и не вижу: ну, закат себе и закат, обыкновенный. Отец стал говорить об оттенках цвета, и меня будто стукнуло что-то... Прививалось с детства умение увидеть прекрасное.

Признание, у меня есть любимая картина вашей кисти, это «На Фабричной, на закате...». Мне кажется, в этой работе есть некая таинственность, присущая работам больших мастеров. Как создавалось это живописное полотно?

Однажды в Колывани я увидела дерево, и оно показалось мне похожим на женщину с распростертыми руками и наклоненной головой. Вообще Колывань особое место в моей судьбе занимает. Люблю иногда присесть на камни и долго-долго смотреть вдаль, словно стараясь впитать в себя всю эту красоту. В 1981 году от управления культуры меня отправили туда в командировку, и с тех пор я заболела Колыванью. Каждый год стараюсь туда приезжать, и студентов неоднократно на пленэр привозила.

К сожалению, сейчас эти сокровенные места отданы на растерзание туристам, а к Моховому озеру и вовсе проложена асфальтированная дорога, там все истоптано. По берегам кучи мусора и пустых бутылок. Мы со студентами, когда были там последний раз, не выдержали такого вандализма, стали собирать мусор, расчищать берега озера. По отношению к природе распознается уровень культуры людей, их любовь к Родине.

В Колывани я часто бродила у горы Фабричной, искала сюжеты. Когда я увидела это необычное дерево, солнце только-только садилось. Так появился первый вариант: предзакатный, охристый. Я пришла к дереву на следующий день в то же время. Но перед самым закатом состояние природы изменилось, и небо вдруг стало бирюзовым, а солнце огненно-оранжевым. Пришлось отставить недописанный холст, и быстро в течение пятнадцати минут набрасывать цветковые отношения другого варианта этого сюжета. Дописывала почти в темноте, краски брала почти на ощупь. Поэтому теперь существует два варианта одного сюжета.

Во многих ваших работах на реальный пейзаж словно накладываются, проявляются из тумана некие образы. Так происходит в работах «В поисках Беловодья», «Храм Воскресения Христова в Горной Колывани». Расскажите о создании этих картин.

«В поисках Беловодья» очень интересно создавалась. Больше года у меня стоял огромный холст. Было много эскизов, разных вариантов, но надо мной довлел страх белого холста. Однажды к мужу пришел в гости приятель и удивился, что, мол, у вас холст белый стоит и стоит, он взял кисть и замазал его по-своему. Я была, конечно, в шоке. Заставила мужа все с холста смыть и перегрунтовать его заново. Зато этот случай послужил столь сильным толчком, что я, представьте, громадную картину написала всего за восемь дней. Вставала в пять — шесть утра, а то, наоборот, всю ночь могла писать без отрыва.

Всегда стараюсь глубоко изучать материал. Работаю в архивах и библиотеках. Прочитала много книг, в частности, о горной Колывани, защитила диплом по этой теме.

Однажды вместе со студентами я писала с натуры туман, и у меня возникло ощущение «Соляриса», а это один из моих любимых фильмов. Я люблю произведения с философским началом, привлекает загадочность, второй скрытый план (что-то там...), потому у меня много работ, где реальность переплетается с легендами, фантазией.

Я шесть раз поднималась на Синюху, а это вообще необычное место, священная гора, там бьет святой источник. Когда я находилась на самой вершине Синюхи, солнце так упало на камни, что они стали похожими на силуэты людей. Я вспомнила легенду о Беловодье.

Всем хочется найти эту страну счастья, может быть, и внутри себя. Люди, силуэты которых высветило солнце, когда-то прошли здесь, и на священной земле осталась память о них. В 2003 году у меня состоялась выставка «Мое Беловодье». Думаю, в каждом человеке есть свое Беловодье.

Интересна история создания картины «Храм Воскресения Христова». Вот как раз, когда я впервые была в командировке в Колывани, а это была зима, мне нужно было проверить базу для открытия в селе художественной школы. Случайно я наткнулась на часть старинной кирпичной кладки, старожилы пояснили мне, что это останки старинной церкви. Меня заинтересовала история храма. Он построен в середине XIX века и сначала был деревянным, потом белокаменным, а в годы войны его разобрали по кирпичику. На месте старой церкви меня не покидало странное ощущение: было и больно от того, что храма больше нет, но вместе с тем возникло чувство, что церковь никуда не исчезла, она стоит, только увидеть ее можно другим, внутренним, взором.

Поэтому на холсте я написала мираж церкви, словно это связь между небом и землей, а в дальнем окошечке призрачной церквушки как будто горит живой огонь лампадки. Архитектуру храма Воскресения Христова мне удалось отыскать в Алтайской краевой библиотеке в отделе редких книг. В фолианте Петра Ивачёва 1902 года сохранились графические изображения этого храма, по ним я один в один воссоздала его на картине. А в нижней части полотна реалистически пастозными мазками я изобразила часть той кирпичной кладки, которая сохранилась до наших дней. В небе — словно вибрация воздуха, и облака проходят сквозь купола храма — он есть и его нет. Кто-то его видит, а кто-то не видит. Для меня храм на этом месте останется навсегда.

В какой области, на ваш взгляд, вы реализовались наилучшим образом: как педагог или как живописец?

Думаю, что там и там я внесла свою лепту. Это неразрывно. Сейчас занимаюсь со студентами педуниверситета, они очень заинтересованы. Обучаю мастерству будущих учителей рисования в школе. Я сейчас работаю для души, а не из-за денег. Радует общение. Если в художественное училище приходят подготовленные студенты, то здесь у некоторых ребят вообще нет подготовки, лишь некоторые имеют за плечами художественную школу. Начальный этап самый трудный. Приходится неоднократно объяснять, показывать. Я практически не выхожу из аудитории. С вашим курсом в Новоалтайском художественном училище я была близка по возрасту, мы были на одной волне, одной семьей, у нас были общие цели. Вспомнить только, как мы шли по горам напролом, по непроторенным дорогам с этюдниками. Поднимались на Синюху, искали озеро Моховое. Вот сейчас вспоминаю, могло ведь что угодно случиться... но мы были молоды и «бессмертны». Это был эмоциональный прорыв. Жизнь была ключом. Нас несло. Яркие краски, яркие эмоции!

Дружеские связи со многими бывшими учениками сохраняются. Недавно ко мне пришли ребята с последнего моего курса. Помогли мне сделать ремонт в мастерской и оформить юбилейную выставку, а еще преподнесли очень хороший подарок — сертификат на покупку красок.

Ирина Анатольевна, если бы в жизни случилось так, что вы не стали художником, то кем бы вы могли стать?

Нет, что бы ни было, только художником!

Беседу вела Юлия Нифонтова